

УШЕЛ ПОЭТ АЛЕКСАНДР АРОНОВ

Александр АРОНОВ

Чистопрудный вальс

Развернется трамвай или,
можно считать,
Все вокруг развернет.
И отпрянет от стекол примет
нищета —

Этот снег, этот лед,
Промелькнул апельсин
в усталой руке,

А на том вираже
Тонкий девочкин шарф
на наклонном катке,
Улетевший уже.

Вся картинка, что названа этой
зимой,

Так ясна, так резка —
И присевший щенок,
и мгновенной семьей

Пять мужчин у ларька.
Снег висит между темных
дневных фонарей

И гляжу, не пойму —
Надо что-то о жизни
запомнить скорей —

Почему, почему?..

А мне бы почта полевая
Опять письма не принесла,
Меня б измена тыловая,
Помимо прочего, ждала.

Одних чего-то рванят часто,
К грудам целаяется сержант...
И к пуле, и к грызне начальства —
И к этому есть свой талант.

Ну что измена? Плакать,
что ли?
Ведь тоже следствие войны.
Мне б никакой отдельной боли
Не полагалось от страны.

А. Межирову

Строчки помогают нам
не часто.

Так они ослабить не вольны
Грубые житейские несчастья:
Голод, смерть отца, уход жены.

Если нам такого слишком много,
Строчкам не поделаться ничего.
Тут уже искусство не подмога.
Даже и совсем не до него.

Слово не удар, не страх,
не похоть.

Слово — это буквы или шум.
В предложенье: «Я пишу,
что плохо»,

Главное не «плохо»,
а «пишу».

Если над обрывом я рисую
Пропавшую, подступившую,
как весть,

Это значит, там, где я рискую,
Место для мольберта
все же есть.

Время есть. Годится настроенье.
Холст и краски. Тишина в семье.
Потому-то каждое творенье
Есть хвала порядку на Земле.

Гетто. 1943 год

Когда горело гетто,
Когда горело гетто,
Варшава изумлялась
Четыре дня подряд.
И было столько треска,
И было столько света,
И люди говорили:
— Клопы горят.

А через четверть века
Два мудрых человека
Сидели за бутылкой
Хорошего вина,
И говорил мне Януш,
Мыслитель и коллега:
— У русских перед Польшей
Есть своя вина.

Зачем вы в 45-м
Стояли перед Вислой?
Варшава погибает!
Кто даст ей жить?
А я ему: — Сначала
Силенок было мало,
И выходило, с помощью
Нельзя спешить.

— Варшавское восстание
Подавлено и смято,
Варшавское восстание
Потоплено в крови.
Пусть лучше я погибну,
Чем дам погибнуть брату, —
С отличной дрожью в голосе
Сказал мой визави.

А я ему на это:
— Когда горело гетто,
Когда горело гетто
Четыре дня подряд,
И было столько треска,
И было столько света,
И все вы говорили:
«Клопы горят».

Первый закон Мальбека

Ни на кого нельзя смотреть
снаружи —
Единственный закон
земли Мальбек.

Базар, толпа, случайный человек —
Ни ты ему, ни он тебе не нужен.
На тамошних калек и не калек
Поднять глаза —
нет оскорбления хуже.

Ты кто, чтобы оценивать людей
И подвергаться их оценке

Согни свой взгляд, ленивый
и нескромный,
Подсмотренным не хвастай,
а владей.

Есть где нам разойтись
меж площадей,
На местности пустынной
и огромной.

Горбатый только третий год
горбат,
Красавица сегодня лишь красива,
Они иду, вперед или назад,
Их останавливать —
несправедливо.

Один индюк чужому взгляду рад,
Да он и без тебя живет
счастливо.

И оборванец — кандидат в цари,
И мудреца не украшает

Вот если ты готов, что б
с ним ни стало,
Приблизиться к нему, понять
хоть малость,

Каким себя он видит изнутри, —
Тогда обид не нанесешь. Смотри.

Тебе лично

Если б ты на этом свете
Был один подвластен смерти,
А другие, то есть мы,
Жить все время оставались,
Тут ни с чем не расставались,
Избегав предвечной тьмы, —

Как бы мы тебя любили!
Что попросишь, раздобыли.
Сострадая и скорбя,
Начиная сразу с детства,
Не могли б мы наглядеться,
Наглядеться на тебя!

...Но ведь так и происходит:
Человек один проходит,
Мы, другие, — это род,
Род ведет свою дорогу,
И пока что, слава богу,
Он живет, живет, живет.

Так что в полночи и в полдни
Понимай, и знай, и помни:
Ты у нас любимый гость.
Все тебе — привет и ласка.
Остальное — только маска:
Равнодушие, скука, злость.

ОСТАНОВИТЬСЯ, ОГЛЯНУТЬСЯ

Умер Саша Аронов. Я узнал об этом случайно, в субботу. Я виноват, что не был у него в его последний день.

Когда мне было семнадцать лет, я, мальчик из окраинного района Москвы Очакова, сказал: «Что мне делать? Меня не приняли на факультет журналистики». Аронов сказал: «Иди к нам, в «Московский комсомолец».

Это была газета молодежной интеллигенции. Я видел в коридорах Анатолия Гладилина, Николая Глазкова, Бориса Слуцкого. Я очень виноват перед Сашей, что не смог ему помочь.

Только во все наши времена нашей юности я читал его стихи:

Остановиться, оглянуться,
Внезапно вдруг на вираже,
На том случайном этаже,
Где нам доводится проснуться,
Ботинком по снегу скребя,
Остановиться, оглянуться,
Увидеть день, дома, себя,
И тихо-тихо улыбнуться.
Ведь уходя, чтоб не вернуться,
Не я ль хотел переиграть:
Остановиться, оглянуться,
И никогда не умирать...

Саша! Прости, что ты умер.

● Юрий ШЕКОЧИХИН,
ученик Александра Аронова

ОТСВЕТ ИМЕНИ НА СТРОЧКЕ

Мы умеем не замечать. Даже замечательного не замечаем

Рядом с нами жил, и не тихо, а в последние годы издавался, больше того — печатал свои стихи в своих же колонках одной из самых тиражных газет страны — «МК» — большой русский (российский) поэт, ни на кого не похожий, пронзительный, добрый и мудрый (да-да!), а мы...

Вроде бы и цензуры нет. Политической. Зато куда не деться от корпоративной, работающей по простенькому принципу военных самолетов: свой — не свой.

И вот результат: про него всерьез не писали критики, его имя ни разу не фигурировало ни в каких long-short-листах ни одной премии, его авторские вечера не проходили ни в Политехе, ни в ЦДЛ. Хотя начинал он вместе с Беллой Ахмадулиной и Андреем Вознесенским. Он сам написал:

Отсвет имени на строчке
В сотни раз прекрасней слова.
Я ничем вам не помог, мои слова.
Чтобы вам не сгинуть снова,
Не пропавшей подиночке,
Друг за друга вы держитесь,
как трава.

Алика Гинзбурга, отдал стихи в его самиздатский журнал. И они там вышли. В частности такие:

Посредине дня
Мне могилу выроют.
А потом меня
Реабилитируют.

Спяжут на костях,
Бабу изнасилуют,
А потом — простят,
А потом — помилуют.

Скажут: срок ваш весь,
Что-нибудь подарят...
Может быть, и здесь
Кто-нибудь ударит.

Будет плакать следователь
На моем плече.
Я забыл последовательность:
Что у нас за чем.

И после этого Саша Аронов стал неиздаваемым, опальным. Но — никогда не кричал об этом на улицах. И не стал знаменитой жертвой режима. Которых впоследствии все-таки благодетельствовали.

А повезло ему, наверное, — два раза. Песня на его стихи, которую давно пели на московских кухнях — с другой мелодией. — стала известна и любима всеми, уже с музыкой Таривердиева, после триумфального выхода на экраны «Иронии судьбы».

«Если у вас нет собаки...» — пел Мягков. «Когда у вас нет собаки...» — обожая эту синтаксическую неправильность, пели мы как гимн московской андеграундной интеллигенции.

СТАЛО ОГЛУШИТЕЛЬНО ТИХО

Это было тридцать лет назад. Забросив подготовку к занудным дифурам, я взялся за кирпич свежизданного «Дня поэзии». В свалке имен и амбиций, которую и читать-то можно было только вместо подготовки к экзаменам, я и наткнулся впервые на одно восьмистишие — одновременно неловкое и грациозное, легкое и мудрое.

И произнес вслух абсолютно неизвестное мне тогда имя автора: Александр Аронов.

В ту же минуту раздался телефонный звонок: «Здравствуйте, Евгений, меня зовут Александр Аронов, мне тут показали ваши стихи, и я хочу напечатать их в «Московском комсомольце».

Было очевидно: это розыгрыш. Но кто мог меня услышать и так разыграть, ведь в доме-то я был один?

Мне было странно тогда подумать: Бог. Но другого объяснения просто не было.

Скрещенья поэтических судеб, как и браки, вершатся на небесах. И сегодня, тридцать лет спустя после того памятного телефонного звонка, сегодня, когда не стало Александра Аронова, это особенно очевидно.

Да, я знал, что он болен, и когда мы говорили, чувствовалось, как трудно ему давалось каждое произнесенное слово. Но все так же легко давалось каждое слово написанное.

Он так и не стал седовласым литгенералом. «Но зато оглушительно тихо в тех местах, где отсутствует он».

Так он сам про себя написал. Так и есть. Так и будет.

● Евгений БУНИМОВИЧ,
ученик Александра Аронова

Коллегам из «Московского комсомольца»

Наши искренние, глубочайшие соболезнования.
И — благодарность. Своей рубрикой вы подарили миллионам людей возможность поговорить с Александром Ароновым.

● «Новая газета»

Аронов Александр Михайлович

Новая газ. - 2001 - 22 - 24 окт. - с. 23